Статьи

Научная статья / Original Article

Делая вещи видимыми: картография как причина и средство преодоления отчуждения от мира

Иван Д. Наумов

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Российская Федерация
https://orcid.org/0000-0003-4615-581X

Рекомендация для цитирования:
Наумов И. Д. (2026) Делая вещи видимыми: картография как причина и средство преодоления отчуждения от мира. *Социология власти*, 38 (2): 92-117.
EDN: OJFKVO

For citation:
Naumov I. D. (2026) Making Things Visible: Cartography as a Cause and a Means of Preventing World Alienation. *Sociology of Power*, 38 (2): 92-117.

Поступила в редакцию: 21.02.2025; прошла рецензирование: 18.07.2025; принята в печать: 04.09.2025
Received: 21.02.2025; Revised: 18.07.2025; Accepted: 04.09.2025

© Author, 2026
This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Резюме: Согласно Ханне Арендт, характерной чертой современной эпохи является отчуждение человека от мира, понимаемое в том числе как потеря интереса к общим вещам, являющимся медиаторами политического общения. Одним из событий, стоящих у истоков нововременного отчуждения, стало, по Арендт, открытие Нового Света и последовавшее за ним бурное развитие картографии. Данная статья содержит попытку продемонстрировать политический потенциал карт в качестве обратного средства «воссоединения с миром». Вслед за американским политическим теоретиком Бонни Хониг можно утверждать, что подобным потенциалом может обладать идущая из до-модерновой эпохи традиция партиципаторной картографии, то есть картографии, основанной на участии местных жителей. Предлагаемое этой традицией воссоединение могло бы заключаться в превращении мира, отраженного на партиципаторной карте, в вещь, способную служить предметом обсуждений и основанием для самоидентификации коллектива. В качестве позитивной иллюстрации работы партиципаторной картографии сегодня статья обращается к позднему творчеству Бруно Латура. Видя в модерновой картографии средство воспроизводства ошибочного представления о Земле как о замкнутой тотальности Глобуса (Globe), Латур предлагает в качестве альтернативы иные принципы картографии, соответствующие эпохе нового климатического режима. Некоторые из этих принципов, в част-

ности выделение на картографических проекциях, в том числе неосязаемых и не всегда заметных глазу агентов территории, легли в основу его последнего эксперимента Où Atterrir? (Где приземлиться?). В нем составленные участниками исследования финальные карты территорий становятся средством, делающим предметы беспокойств публики видимыми, обеспечивая устойчивость и доступность пространства политики.

Ключевые слова: политическая теория, общий мир, отчуждение от мира, картография, партиципаторная картография, Гея, Ханна Арендт, Бруно Латур

Making Things Visible: Cartography as a Cause and a Means of Preventing World Alienation

Ivan D. Naumov

European University at St. Petersburg, Russian Federation
https://orcid.org/0000-0003-4615-581X

Abstract: According to Hannah Arendt, a hallmark of the modern era is the alienation of the individual from the world, understood, in part, as a loss of interest in the common things that mediate political process. One of the origins of modern alienation was for Arendt the discovery of the New World and the ensuing explosion of cartography. This article attempts to demonstrate the political potential of maps as a means of "re-engaging with the world". Following Bonnie Honig, it can be argued that the pre-modern tradition of participatory cartography could have such potential. Reconnection proposed by this tradition could lie in the transformation of the world reflected on the participatory map into a thing that can serve as a subject of discussion and a basis for the self-identification of the collective. As a positive illustration of the work of participatory cartography today, the article turns to the late work of Bruno Latour. Seeing modern cartography as a means of reproducing the erroneous notion of the Earth as a closed totality of the Globe, Latour proposes as an alternative other principle of cartography appropriate to the age of the new climatic regime. Some of these principles, in particular the identification of intangible and not always visible agents of territory on cartographic projections, formed the basis of his latest experiment Où Atterrir? In it, the final maps of territories produced by the research participants become a means of making the public's concerns visible, ensuring the sustainability and accessibility of the political space.

Keywords: political theory, common world, world alienation, cartography, participatory mapping, Gaia, Hannah Arendt, Bruno Latour

Введение

В своей центральной работе по политической теории «Vita Activa» Ханна Арендт стремилась не только дать определение трем

видам деятельной жизни — труду, созданию и действию — но и выделить исторические предпосылки того, что она назвала отчуждением от мира, заключающегося наряду с прочим в потере людьми интереса к общим вещам, способным играть роль медиаторов политического общения. Подобное отчуждение стало для нее наиболее яркой характеристикой Нового времени (modern age), предопределившей в том числе и нынешнюю эпоху современного мира (modern world), начавшуюся, согласно ей, со взрывом первой ядерной бомбы (Арендт, 2000).

Одним из событий, стоящих у истоков нововременного отчуждения, по Арендт, стало открытие Нового Света и последовавшее за ним бурное развитие картографии. Карты эпохи модерна были одной из предпосылок «сжатия» земного пространства, отграничившего возможность его чувственного восприятия. Иными словами, картография для Арендт представляла собой средство абстрагирования от реальности, переноса многогранности вещей мира на унифицированную плоскость топографического рисунка.

Но действительно ли карты являются однозначно «отчуждающей вещью»? Может ли в них быть заложен потенциал для воссоздания политического пространства? Способна ли картография, напротив, служить делу воссоединения с миром? Вслед за американским политическим теоретиком Бонни Хониг можно утверждать, что подобным потенциалом может обладать партиципаторная картография, то есть картография, основанная на участии местных жителей (Honig, 2016). Предлагая рассматривать подобный тип карт как «записанную» форму мира, подход Хониг позволяет использовать карту как средство превращения общего мира в вещь, способную к организации вокруг себя публичного пространства политики.

Следуя за аргументом Хониг, в данной статье мы попытаемся проиллюстрировать политический потенциал партиципаторной карты на материале позднего творчества Бруно Латура. Если в начале карьеры карты были для него в первую очередь мощным инструментом, иллюстрирующим производство научной истины, то начиная с 2010-х годов в работах по политической экологии модерновая картография также становится для Латура предметом критики. Видя в ней средство поддержания бифуркации Природы и воспроизводства ошибочного представления о Земле как о замкнутой тотальности Глобуса (Globe), Латур предлагает в качестве альтернативы иные принципы картографии, соответствующие эпохе нового климатического режима. Одним из таких принципов становится выделение на картографических проекциях наряду с устойчивыми характеристиками ландшафта «вторичных качеств» агентов, опосредующих и обуславливающих их взаимоотношения. Нанесение подобных, ранее незримых, сущностей на карты силами публики

становится центром последнего практического исследования Латура Où Atterrir? Карта мира взаимоотношений людей с агентами, составляющими их территорию, сама становится вещью, на основании которой удается выделить новые контроверзы, запустив тем самым политический процесс.

I

Великих и оригинальных мыслителей зачастую отличает способность давать точные диагнозы, способные емко и при этом полно описать сложные и многосоставные процессы и феномены, характеризующие нынешнее состояние дел. К подобным мыслителям, безусловно, относится Ханна Арендт.

В процессе своей работы она создает множество примечательных идей и концептов, одним из которых становится «отчуждение от мира», единовременно характеризующее сразу несколько событий и процессов, среди которых, например, упадок на заре Нового времени института частной собственности, становление массового общества и культа потребления, стремление человечества средствами современной науки и техники сбежать от земных условий своего существования. В первой части данной работы мы постараемся охарактеризовать арендтовское отчуждение в том числе как утрату «общего чувства» и интереса к вещам, способным служить медиаторами политического общения. Однако перед этим видится необходимым рассмотреть и выявить особенности самого понятия общего мира, присущего арендтовской политической теории.

Общий мир (common world) является одним из ключевых понятий в словаре политической теории Арендт. Тем не менее в ее работах едва ли можно встретить последовательный анализ, позволяющий дать ему исчерпывающее определение[1]. Как правило, общий мир оказывается связан с двумя компонентами: публично действующими и горящими *людьми* и созданными ими материальными *вещами.* Подобная неоднородность и двусоставность мира особенно хорошо видна в ее ранней неизданной работе Introduction *into* Politics, где Арендт прямо проводит различие между «миром вещей»

1 Подобная концептуальная асистематичность, а порой и противоречивость теории Арендт уже была отмечена как отечественными, так и зарубежными специалистами (см., например: Кузин, 2017, с. 222; Файн, 1999; Villa, 2000, p. 1). Тем не менее, по мнению некоторых авторов, эта особенность могла вытекать из особого присущего ей метода мышления (см., например: Buckler, 2011, p. 2), предполагающего взгляд на политическую теорию как на «набор основанных на опыте упражнений» (Hyvönen, 2014, p. 570), направленных на достижения понимания своего прошлого и настоящего.

(world of things), произведенных человеком, и «миром взаимоотношений» (world of relationships), разворачивающимся между людьми (Arendt, 2005).

Тем не менее позже, в «Vita Activa», Арендт подчеркнет невозможность подобного разделения: «Объективность мира — его объективный и вещный характер — и человеческая обусловленность взаимно дополняют друг друга; потому что человеческое существование всегда обусловлено, оно невозможно без вещей, а вещи были бы всего-навсего грудой бессвязных предметов, не-миром, если бы они не обуславливали человеческое существование» (Арендт, 2000, с. 9). Иными словами, в итоге арендтовский мир оказывается возможен только как *сумма* двух не способных в полной мере существовать отдельно друг от друга элементов — людей и разделяемых ими вещей.

Из характеристик двух элементов мира вытекают и его функции. Человеческая составляющая мира закрепляет за ним роль эквивалента понятия публичного (Там же, с. 69). Публичность мира гарантируется фактом множественности населяющих его людей. Будучи для Арендт той единственной средой, где может существовать политическое действие, присущая миру множественность тем самым становилась пространством реализации свободы: «...*быть* свободным и действовать — это одно и то же» (Арендт, 2014, с. 231).

В свою очередь, вещный характер мира как продукта рук человека-творца, homo faber, в чистом виде характеризуется присущей ему долговечностью и способностью оставаться неизменным относительно сменяющих друг друга поколений людей. Отсюда первостепенная роль, которую позволяет играть миру его вещность, — это роль хранилища истории и культурной традиции. Неслучайно Арендт определяет полис буквально как «организованную память» (Арендт, 2000, с. 262). Городские стены и законы обеспечивали устойчивость условий человеческой жизни и гарантировали защиту публичного пространства, в котором человек, совершивший однажды экстраординарный поступок, не был бы забыт.

Однако, не будучи способными существовать отдельно друг от друга, люди и вещи как составляющие мира в своем сочетании приводят в движение еще как минимум две его функции. Причем обе исходят из того факта, что у вещей, как и всякого присутствующего в мире экзистента, есть внешняя сторона, позволяющая им самим становиться частью публичного пространства явленности: «Лежащая за пределом всякого функционирования такость вещи есть ее красота или безобразие, и эта такость, в отличие от функции, связана вообще с *явленностью* и тем самым со зримостью в публичном мире» (Там же, с. 225). На этом основании, по словам Патчена Маркелла, отношения между вещами и действующим субъектом не могут ограничиваться лишь отношениями фундамента и бази-

рующимся на нем пространства свободы, но являются также отношениями «провокации и реакции» (Markell, 2011, p. 36).

Подобная характеристика вещей мира позволяет им, прежде всего, играть роль медиаторов политического общения. Вещи, по известному изречению Арендт, пролегая между людьми, опосредуют их отношения, подобно столу, одновременно объединяя и разделяя собравшихся вокруг них людей: «Совместно жить в мире означает по существу, что некий мир вещей располагается между теми, для кого он общее место жительства, а именно в том же смысле, в каком, скажем, стол стоит между теми, кто сидит вокруг него; как всякое между, мир связывает и разделяет тех, кому он общ» (Арендт, 2000, с. 69).

Во-вторых, вещи оказываются способны сами аккумулировать вокруг себя публику судящих о них зрителей. Даже homo faber, отличительной чертой которого является тяга к уединению, несет изготовленный им продукт на рыночную площадь, дабы подвергнуть его публичной оценке. Тем не менее в «Vita Activa» Арендт все еще отказывает публичному пространству, организованному вокруг вещи, в политическом измерении: «...homo faber вполне способен развернуть адекватную ему публичную сферу, хотя это не политическая сфера в собственном смысле слова» (Арендт, 2000, с. 206).

Политическая роль способности вещей мира организовывать вокруг себя публичное пространство будет раскрыта Арендт в более поздних работах в связи с ее исследованием способности суждения, прежде всего в эссе «Кризис в культуре». В этом тексте она сравнивает способность эстетического суждения с фронезисом (phronesis), то есть проницательностью, которую греки считали «самым выдающимся качеством государственного деятеля» (Арендт, 2014, с. 326). Тем не менее, по замечанию Марии Сидоровой, фронезис был для Арендт всего лишь «предположением о политическом смысле суждения», иллюстрирующим его способность иметь дело с частными проявлениями реальности, тогда как в полной мере раскрыть его политическую роль Арендт удается, только обратившись к теории эстетического суждения Канта (Sidorova, 2019, p. 248). Дело в том, что успех всякого суждения оказывается обусловлен тем, что Кант называет «общим чувством» (sensus communis), которое говорящий разделяет с окружающими его людьми (Арендт, 2014, с. 126). В результате, пишет Сидорова, «с помощью Канта (Арендт) приходит к выводу, что суждение реализуется только во множественном (plural) мире» (Sidorova, 2019, p. 249), то есть принципиально политическом пространстве. Это позволяет Арендт назвать вкус как особую, по Канту, разновидность суждения (Арендт, 2014, с. 326) «чувством сообщества», которое можно трактовать как чувство, приводящее в существование человеческую общность (Арендт, 2012, с. 126). Тем

самым, будучи обращенным к вещам в их явленности, суждение вкуса позволяет придать вопросам о том, «как (миру) отныне выглядеть, какого рода вещи должны в нем появиться» (Арендт, 2014, с. 328), поистине политический характер.

Наконец, имея двусоставную природу, мир для Арендт сам является частью концептуальной пары. Обладая относительной неизменностью и устойчивостью, он противопоставляется *земле*, понимаемой как пространство постоянного движения, замкнутого круговорота жизни и смерти. Важно заметить, что оппозиция мира и земли не является в строгом смысле эквивалентом привычной нововременной оппозиции природы-культуры (Латур, 2006, с. 178). Будучи вырваны из круговорота земли вниманием зрителей, *природные объекты также могут стать частью мира*: «Лишь когда природные вещи — дерево, собаку — мы рассматриваем как отдельные существа и тем самым уже выделили из их “естественного” окружения и переместили в наш “искусственный” мир, они начинают возрастать и гибнуть» (Арендт, 2000, с. 126–127). Действительно, с позиции живущего в мире индивида мы способны воспринять жизненный цикл лишь частично, то есть как линию развития и упадка отдельного существа или вещи, в то время как целый круговорот жизни земли остается вне досягаемости нашего чувственного восприятия. На этом основании Энн Чапман предполагает, что эквивалентом оппозиции мира-земли могло бы стать кантовское противопоставление феномена и ноумена: «...феномены — то, как вещи являются — конструируются нами из того, что дано в ноумене, подобно тому, как мы конструируем здания из того, что предоставляет нам земля» (Chapman, 2007, p. 436).

Так или иначе, являясь, по определению, «привязанными к Земле созданиями» (Арендт, 2000: 19), люди оказываются в неменьшей степени обусловлены своей земной природой, чем миром. Если земля — царство живого — обуславливает жизнь людей как часть биологического вида, существ из плоти и крови (*zoe*), то мир — рукотворная сцена пространства публичности — обуславливает человека как свободное существо, давая возможность реализовать достойный его образ жизни (*bios*).

В результате Арендт предлагает рассматривать нововременное отчуждение в аналогично двояком аспекте: отчуждение от мира и земли становятся для нее крепко спаяны, ведь оба заключаются в попытке человека, принципиально «обусловленного существа» (Там же, с. 17), порвать самими условиями, на которых ему дана жизнь. Результатом становится его бегство от земли во Вселенную и от мира в самосознание (Там же, с. 13), приводящее тем не менее к одному общему результату — одиночеству.

Как известно, решающим событием, предопределившим двойное отчуждение, стало изобретение Галилеем телескопа, доказав-

шее впоследствии, что, вопреки точке зрения рядового наблюдателя, Земля вращается вокруг Солнца. Благодаря этому открытию новая наука, согласно Арендт, нашла ту самую точку Архимеда, позволившую взглянуть на Землю со стороны и в конечном счете, может быть, даже сдвинуть ее с места (Там же, с. 345).

В свою очередь, для жителей мира «первым уроком новой астрономии было то, что истина и реальность не открываются созерцанию» (Canovan, 1995, p. 151). Подобное открытие предопределило развитие и нововременной философии, сместившей с позиции своего основополагающего принципа удивление и поставившей на его место декартовское сомнение (Арендт, 2000, с. 359). Истина покинула мир, переселившись в чертоги человеческого разума. Тем самым отчуждение от мира, как бегство в самосознание, имело для Арендт действительно политическое значение. Оно предполагало потерю интереса к разыгрывающимся в нем феноменам и, как следствие, утрату общего чувства, гарантировавшего, что общий мир является действительно общим (Арендт, 2014, с. 326). Подобно тому, как в результате бегства от земли, человек был обречен встретить лишь самого себя, уткнувшись лицом в стекло своего скафандра (Там же, с. 409), отчуждение его от мира привело к тому, что вещи, пролегавшие когда-то между людьми, растворились в ощущениях, испытываемых отдельными людьми в уединении их собственного разума.

Однако изобретение телескопа и последовавший за ним картезианский поворот в философии был для Арендт лишь одной из первопричин, предопределивших нововременное отчуждение. Другим событием, наряду с началом экспроприации земельной собственности и становлением капиталистического этоса, стало для Арендт открытие Нового Света и последовавшее за ним бурное развитие картографии.

II

Одной из причин отчуждения от земли стало для Арендт «сжатие» земного шара, начало которому было положено обнаружением необъятности доступного человеку пространства в эпоху великих географических открытий: «...технические изобретения модерна, благодаря которым всякое земное пространство начинает располагаться в осязаемой близи, были предвосхищены картированием суши и моря на ранних стадиях Нового времени» (Арендт, 2000, с. 332). Новые карты позволили людям прокладывать железные дороги и планировать маршруты авиаперелетов, существенно снижая время преодоления расстояний, некогда казавшихся бескрайними. Все это не было бы возможным без уже знакомого нам отказа от традиционного взгляда на землю, попытки посмотреть на нее

со стороны внешнего наблюдателя. Картографы, сжавшие планету, руководствовались языком математических обозначений и формул, не имеющим ничего общего с земной точкой зрения повседневного человеческого восприятия: «всякое уменьшение отдаления *на* Земле может быть достигнуто только ценой возросшего отдаления человека *от* Земли, т. е. ценой решительного отчуждения человека от его непосредственного земного жилья» (Там же).

Будучи продуктом абстрагирования от земли, модерновые карты зачастую сами становились средством отчуждения от нее людей, проживавших на картографированной территории. На подобное качество нововременных карт указывает, в частности, их эффективное использование в качестве инструмента колониальной политики. Установление господства над новыми землями, пишет Ларри Вульф, «было не просто военно-административной проблемой — эта затея воспринималась как вызов современной философии и географии» (Вульф, 2003, с. 254). Ярким примером, иллюстрирующим отчуждающий потенциал карты, может послужить сфера кадастра, то есть учета земельных владений, активно использовавшаяся государствами при освоении «пустующих» земель колоний.

Критерием полноты и законченности модерновой кадастровой карты становилась не детальная проработанность изображенной на ней местности, но, напротив, абстрактность и схематичность — ее «тонкость» (thinness) (Scott, 1998, p. 44). Отсутствие лишних деталей делало карту пригодной для восприятия людьми, никогда не вступавшими на описанную территорию, которых зачастую интересовала лишь площадь участков и расположение их границ. В то же время местные жители, постоянно проживающие на территории, согласно Джеймсу Скотту, в подобных картах зачастую не нуждались: «Все знали, кому принадлежит, скажем, луг у реки, стоимость фуража, который он дает, и феодальные пошлины, которые он взимает; не было необходимости знать его точные размеры...» (Ibid., p. 45). Принудительное навязывание особого взгляда на территорию, особенно сообществам, не использовавшим систему частной собственности, превращало кадастровую карту в полноценный инструмент контроля, одновременно иллюстрирующий и воспроизводящий власть своего создателя: «...изображая одну реальность, как при заселении Нового Света, она (кадастровая карта) помогает стереть другую» (Kain, 2019, p. 1133). Выходит, нововременные карты могли стать для Арендт средством отчуждения не только от земли, но и от мира, как пространства разделения «общего чувства» и хранилища культурной традиции.

Тем не менее, как замечает американский политический теоретик Бонни Хониг, карты вовсе не всегда представляют собой средство отчуждения людей от мест их совместного существования, но,

напротив, могут стать способом овеществления этих мест (Honig, 2016). Для этого она обращается к четвертой главе The Human Condition, посвященной деятельности создания. Примечательными для нее оказываются два объекта, к которым Арендт обращается в самом начале и в самом конце главы, демонстрирующие взаимосвязь и согласованность всех составляющих *vita activa* — труда, создания и действия. Первый из них — пахотная земля, рассматриваемая Арендт в контексте смыслового перехода повествования от труда к созданию. Возделываемая земля разрушает грань между этими двумя типами деятельности: «Необходимейшая и элементарнейшая работа человека состоит в обработке почвы, и земледелие поистине представляет собой деятельность, при которой работа по мере ее выполнения превращается в создание» (Арендт, 2000, с. 177). Тем не менее, будучи обработанной, почва в полной мере никогда не становится вещью. Несмотря на тот факт, что «земля, превращенная в поле, дает впредь основание для учреждения мира <...> распаханная почва, чтобы остаться пахотной землей, должна обрабатываться каждый раз снова; она не имеет независимого от человеческих усилий бытия, [а следовательно,] никогда не становится предметом» (Там же, с. 178).

Второй пример наложения двух форм деятельной жизни — поэзия, к которой Арендт обращается в конце главы, перед тем как перейти к рассмотрению действия. Поэтическое искусство может относиться как к созданию, так и к действию, поскольку как «человечнейшее и внемирнейшее из искусств» является в наименьшей степени вещью, чем любое другое произведение искусства. Тем не менее, будучи записанной, поэзия, преобразует произнесенные слова в «устойчивый» текст, способный пережить своего создателя (Там же, с. 221). Выходит, обработанная почва, пусть и соприкасаясь с деятельностью создания, остается в большей мере продуктом труда, тогда как поэзия при помощи письма все же достигает овеществления.

В результате Хониг задается вопросом: «Почему же Арендт не поступила с почвой (land) так же, как с поэзией: не рассмотрела почву в ее запечатленной (textual) форме?» (Honig, 2016, p. 313) Находящаяся в непрестанном круговороте почва тоже может быть «записана», когда ее наносят на карту (Ibid., p. 309). Картография делает с ней то же, что и письменность с поэзией, — она обращает в вещественную форму, схватывает и фиксирует циклические процессы.

Тем не менее кажется, что буквальная опись земли, которую изначально предлагает провести Хониг, с трудом может взять на себя роль альтернативы модерновой картографии. Как и последняя, она игнорирует мирскую сторону объектов, то есть все те качества, которые регулируют их значимость для разделяющих их людей.

Однако все меняется, когда наряду с материальными элементами ландшафта записи подвергаются в том числе окружающие их нематериальные отношения, слова, действия и поступки, иными словами, когда записи подвергается сам мир, имеющий, как мы помним, преходящий неустойчивый компонент публичного общения.

Действительно, согласно Денису Вуду, первоначально карты воспринимались именно как «форма коммуникации, близкая к письму» (Wood et al., 2020, p. 26), и лишь позже, с начала первой трети XIX века, началось переосмысление карт как продукта научной деятельности, в модерновом ее понимании. В результате любая карта всегда связана с проблемой взаимоотношений (Wood, 2010, p. 98). Она — не просто средство передачи информации и медиатор, меняющий старые связи и создающий новые, но и результат человеческих отношений, которые предшествуют ее созданию и отражаются на ней, как слепок территории. Тем самым вовсе не удивительно, что в поисках альтернативы нововременным картам Хониг обращается в том числе к партиципаторному картированию, то есть картированию, основанному на участии местных жителей (Honig, 2016, p. 318).

Сама по себе низовая картография, основанная на участии, получила распространение на Западе лишь в эпоху Ренессанса. В Средние века карты все еще не создавались для повседневных целей, их использование было ограничено особыми случаями, закрепленными местными обычаями (Harvey, 1987a), в результате чего локальная картография начала свое резкое и стремительное развитие лишь в XVI веке (Harvey, 1987b).

В целом создание карт на Западе было рядовым искусством, которыми занимался средний класс ремесленников (Woodward, 2007). Тем не менее картография значительно выделялась относительно других ремесел. С одной стороны, ее можно назвать «первой по-настоящему научной технологией» (Westfall, 1994, p. 12). Так, Дэвид Вудворд выражает согласие с Эдгаром Зильселем, назвавшим многих картографов периода Ренессанса «высшими ремесленниками» (superior artisans) за внедрение ими практики публичной передачи своего личного практического опыта в виде руководств, предопределившей развитие идеала «научного прогресса» (Woodward, 2007, p. 22).

С другой стороны, примерно в то же самое время распространение получает иной тип карт. Эти карты создавались на этот раз не «протоучеными», но художниками, рисовавшими их под заказ (Dumasy et al., 2019). Говоря с позиции уже не истории науки, но арендтовской политической теории, таких художников, рисовавших карты, также можно назвать своего рода «высшими ремесленниками». Дело в том, что произведения искусства, к коим относятся и живопис-

ные карты, являются, по заявлению Арендт в The Human Condition, «самыми мирскими вещами», так как создаются не для использования, но для мира как такового (Arendt, 1998, p. 172). В результате живописец, скульптор или поэт остаются, пожалуй, в наибольшей степени homo faber, относительно других творцов. Как никто другой, они способны поддерживать существование мира: «...действующим и говорящим людям нужна помощь homo faber *в его высшем качестве* (курсив мой. — *И. Н.*), то есть помощь художников <...> потому что без них единственный продукт их деятельности, история, которую они создают и рассказывают, не выживет вообще» (Ibid., p. 173).

Художественные карты не только определяли частные и государственные границы и помогали в урегулировании судебных споров, но и описывали исторические события, выделяли важные для людей места, подчеркивая самобытность территории. Другими словами, эти карты представляли собой не просто слепок земли. Напротив, представленные на них вещи были неотделимы от разворачивавшихся вокруг них межчеловеческих отношений: соглашений, споров, конфликтов. В результате подобные карты в каком-то смысле становились средством овеществления мира в его понимании, невероятно близком к арендтовскому.

Подобный тип до-модерновой картографии, основанный на участии, широко распространился по многим странам Европы, включая Россию, где авторами, правда, выступали не профессиональные художники, но, как правило, приглашенные дьяки (см., например: Веселовский, 1975). Валери Кивельсон, описывая роль русских низовых чертежей XVII века в урегулировании проблем установления земельной собственности, с опорой на знаменитую дихотомию И-Фу Туана (Tuan, 1977), отмечает, что карты «помогали московитам создавать ощущение ограниченного “места” в расплывчатом “пространстве”» (Кивельсон, 2012, с. 90, 137). «Место» здесь означает «граниченное и очеловеченное пространство» (Там же), то есть пространство с вплетенными в него взаимоотношениями. Рисование таких карт было невозможно без участия местных жителей — крестьян, представителей монастырей и органов власти. Например, для установления границ поместья, ответственные за создание чертежей подьячие «собирали огромную толпу, часто числом тристачетыреста человек, и опрашивали их группами по деревням» (Там же, с. 91), стремясь выделить наиболее примечательные и важные вещи, способные задать границы территории. Зачастую роль таких вещей могли играть природные объекты: необычные по форме деревья или устья рек. Будучи частью того, что Арендт бы назвала землей, межевые знаки подобного рода не отличались долговечностью — деревья гнили и горели, реки меняли русла. В результате овеществленный на карте мир порой превращался из средства под-

держания порядка в предмет противоречия, центр дебата сообществ и институций, принимавшего зачастую форму судебного разбирательства. Судебные земельные споры также зачастую порождали карты, построенные на показаниях местных жителей и способные предать запутанной ситуации устойчивую, ясную форму (Там же). В этом смысле анализ Кивельсон подтверждает слова Хониг о том, что карта, созданная при участии местных жителей, позволяет превратить их территорию в «арендтовскую вещь — объект использования, вокруг которого люди могли бы собираться (constellate) и с помощью которого они могли бы быть интерпеллированы (наделены идентичностью, возникнуть как группа. — *И. Н.*) в будущем» (Honig, 2016, p. 318).

Итак, если научные модерновые карты являются средством абстрагирования, отчуждающим своих пользователей от вещей их общего мира, то карты, построенные при участии местных жителей, напротив, способны овеществить территорию. В свою очередь, отражение на карте наряду с материальными объектами окружающих их нематериальных отношений, похоже, превращает сам мир в вещь, способную выполнять функцию поддержания существующего порядка, а также становиться объектом противоречий судящих зрителей. Тем самым овеществленный при помощи карты мир становится способен не только собрать вокруг себя публику, но и служить основанием для ее объединения в устойчивую группу, разделяющую «общее чувство» по поводу составляющих его вещей.

Подобный политический потенциал партиципаторной карты как средства организации и поддержания политического процесса, стоит полагать, был раскрыт и использован в своих исследованиях другим автором — Бруно Латуром.

III

Картография всегда занимала важное положение в творчестве Латура. Еще с ранних работ практика построения карты служила для него наиболее наглядной иллюстрацией процесса конструирования научной истины (Latour, 2013, p. 89). Ценность карты заключалась не только в ее способности как «неизменяемой мобильности» (Латур, 2017) обеспечить сохранность и транспортируемость представленного на ней изображения (Латур, 2013, с. 353; Латур, 2017, с. 106; Latour, 2013, p. 75). Помимо этого, карта позволяла одновременно собрать в одном месте россыпь записей и ссылок, способных проложить путь соответствия между эмпирической реальностью и ее абстракцией, гарантировав убедительность представленной на ней информации: «...картография — основа научного господства» (Хархордин, 2006, с. 10).

Другими словами, карта, по Латуру, не является простым слепком территории, ее миметическим образом, буквальной записью земли, о которой писала Хониг. Картографическое изображение, согласно ему, всегда представляло собой «платформу вычислительного интерфейса», позволявшую выявить и затем соединить между собой множество «релевантных зацепок», проложив тем самым навигацию (Новембер и др., 2023, с. 71). Так, по известному примеру, карта помогает команде яхтсменов успешно пройти дистанцию не потому, что является точной копией территории, по которой проходит маршрут гонки, но так как штурман, работающий с ней, умело пользуется различными источниками данных, позволяющими ему вычислить оптимальную траекторию следования. Важно, что такими источниками для штурмана могут послужить не только физические преграды (например, мель), но и юридические препятствия (территория военно-морского флота), а также визуальные ориентиры (шпиль церкви) (Там же, с. 85). Выходит, *любой тип отношений может быть нанесен на карту*, при условии, что он позволяет проложить навигацию (Там же, с. 86). Живое подтверждение тому — современные картографические платформы, например, Яндекса или Google, предоставляющие возможность пользователям самим выносить на карту потенциальные риски — скажем, сообщать о заторах, перекрытиях дорог или ДТП — и тем самым помогать другим корректировать свой маршрут. В результате мир, создаваемый картами, рассмотренными через навигационную интерпретацию, оказывается миром, в котором сосуществуют люди и нечеловеки, находящиеся в постоянном движении.

Подобный взгляд на картографию обретает политическое значение в поздних трудах Латура, посвященных проблеме нового климатического режима — эпохи, когда Природа, игравшая некогда роль фона на сцене человеческой истории, утрачивает свое положение, а бывшие декорации сами становятся полноценными участниками драмы (Latour, 2017, p. 3). В этот момент карты в творчестве Латура также переходят из статуса простой иллюстрации процесса выработки научной истины в статус визуальной репрезентации определенного политического порядка.

Дело в том, что существующие модерновые картографические абстракции, согласно Латуру, многие годы способствовали воспроизводству ошибочного представления о Земле как о Глобусе (Globe), то есть как о неподвижной замкнутой тотальности Природы (Latour, 2016; Latour, 2017). Как и Арендт, Латур замечает, что подобный тип абстракции стал возможен лишь при условии максимального отдаления смотрящего от земной поверхности, перемещению его на позицию если не архимедовой точки, то далекой звезды Сириус (Латур, 2019, с. 119). Кроме того, подобная интерпретация карт слу-

жила укреплению идеи «бифуркации природы» (Whitehead, 2015), разделения нововременными науками качественных характеристик вещей мира на «первичные», постигаемые, как правило, абстрактным мышлением и позволяющие локализовать предмет в пространстве, и «вторичные» — связанные с чувственным восприятием прочих характеристик предмета: его цвета, запаха и т. д. В этом отношении опасность модерновой картографии может заключаться в придании акту науки, изначально направленному на решение специфических исследовательских задач, статуса самодостаточной абстракции, претендующей на роль онтологического принципа устройства мира в целом (Debaise, 2015; Wiame, 2018, p. 76). В результате Глобус представляет собой пространство, наполненное застывшими независимыми самодостаточными объектами, игнорируя при этом множество отношений, в которые эти объекты вступают на основании своих «вторичных» качеств.

В свою очередь, гипотеза Геи в интерпретации Латура указывает на то, что любая представляющаяся внешнему наблюдателю универсальность оказывается на деле сгустком множества петель обратной связи, образующихся в результате взаимодействия агентов системы Земли (Latour, 2017, p. 137). Конечно, эти петли не подразумевают повторения из раза в раз одних и тех же процессов, а соответственно, не имеют ничего общего с круговоротом циклов жизни Арендт. Напротив, Гея беспрестанно создается и видоизменяется посредством того, что Латур называет «волнами действий» (waves of action) (Ibid., p. 101). Волны действий не имеют границ и заранее фиксированного масштаба, а их смешение полностью стирает различие между внутренним и внешним миром агентов. Действующая в Гее сущность всегда обусловлена волнами действий, исходящими от других сущностей. В результате, меняя свое окружение, агент всегда меняется сам: «Если A изменяет B, C, D и X, чтобы обеспечить собственное выживание, то так же верно, что B, C, D и X изменяют A в ответ. Анимация немедленно распространяется во всех точках» (Ibid., p. 99). В подобных условиях территория агента не является евклидовым пространством, частью Глобуса, вмещающим в себя ограниченное количество галилеевых объектов, но представляет собой совокупность актантов, от которых этот агент экзистенциально зависим и без которых не может обойтись (Latour, 2017, p. 252).

Новое представление территории требовало составления и новых карт. Идеи Латура оказали определяющее влияние на проект Terra Forma, представившего иные принципы картографии, исходящие из точки зрения на землю уже не внеземного наблюдателя, но рядового живого существа, в контексте его взаимодействия с другими такими же существами (Aït-Touati et al., 2022, p. 15). Отталкиваясь всего от одной сущности, становится возможно очертить карту всей

ее территории. Подобно сюжету рассказа Борхеса, «Письмена Бога», в котором служитель культа по имени Тсинакан, внимательно разглядев шкуру соседствовавшего с ним ягуара, пришел к пониманию устройства мира (Борхес, 2011, p. 288), обитатели Геи, внимательно «разглядев» свое окружение, выявив сети своего влияния и зависимостей, способны прийти к пониманию своих «мест для жизни» (Латур, 2019, с. 155).

Обретение подобного понимания в ходе последовательного описания людьми своих территорий способно стать, согласно Латуру, первостепенным шагом к перезапуску политического процесса. Такой перезапуск мог бы характеризоваться перемещением в центр политических обсуждений и дебатов новых проблемных вопросов, так называемых агентов «порождения» (Латур, 2019, с. 141–142; Latour, 2021, p. 23; Latour & Schultz, 2022, p. 30), то есть агентов, являющиеся источником экзистенциальной зависимости людей, обеспечивающих комфортные условия их существования. Другими словами, описание территорий является, по Латуру, первым шагом в его политико-теоретическом проекте по составлению «общего мира» (Наумов, 2024).

На первый взгляд концепции общего мира Арендт и Латура имеют мало общего, относясь, очевидно, к разным философским традициям (Seguin, 2018, p. 2–3). Если мир Арендт, как мы помним, представляет собой пространство явленности и хранилище истории, то общий мир Латура можно определить как форму реальности, способную обеспечить максимально благоприятные условия жизни для максимального числа составляющих ее агентов. Не случайно в глоссарии к «Политикам природы» он приводит сразу несколько его альтернативных названий, среди которых «пригодный для жизни общий мир» (bon monde commun) и «лучший из миров» (meilleur des mondes) (Латур, 2018, с. 271). К тому же латурианский общий мир, в отличие от арендтовского, никогда не является данностью. Непрестанное движение агентов Геи не позволяет утвердить раз и навсегда устойчивую композицию их взаимоотношений, претендующую на совершенство. Следовательно, речь для Латура может идти лишь о поиске эффективной *процедуры* его составления, нежели финальной архитектуры.

Тем не менее концепции двух авторов объединяет то, что составление общего мира Латура, как и явление мира Арендт оказывается возможно лишь благодаря политике, возникающей на стыке материального и публичного (Seguin, 2018, p. 24). Подобно тому, как мир Арендт предстает всякий раз, когда имеет место множество говорящих и действующих людей, опосредованное множеством явленных им предметов, составление общего мира Латура может быть произведено лишь посредством политической речи, сходным образом

циркулирующей вокруг «Вещей». Заимствуя это понятие у Хайдеггера, Латур предлагает понимать его в широком смысле, как предметы беспокойства (matters of concern), единовременно собирающие и разделяющие публику, то есть становящиеся центром обсуждения или спора (Latour, 2006, p. 23; Latour, 2013, p. 373). Иначе говоря, Вещью в этом случае могут стать в том числе и, казалось бы, неосязаемые, но от этого не менее реальные, риски и заботы, определяющие жизнь коллектива. Более того, как замечает Грэм Харман с опорой на Пира Схаутена, материальное еще с ранних работ играло для Латура роль в том числе стабилизирующего элемента, способствующего поддержанию существующего политического порядка. Подобное положение вновь не может не сближать латурианский взгляд на политическое с арендтовским: «...политическое общество — это в первую очередь результат внедрения нечеловеческих сущностей, которые придают прочность и “тело” общественному устройству» (цит. по: Harman, 2014, p. 20). В результате построение общего мира включает в себя в том числе задачу по институциализации формируемой композиции агентов. Так, в первоначальном проекте процедуры композиции за упорядочивание и утверждение новых ассоциаций людей и нечеловеков отвечала нижняя палата парламента вещей (Латур, 2018, с. 184). Позже, при переходе к подходу Dingpolitik (Latour, 2006), то есть подходу к построению общего мира, исходящего из принципов прямой демократии, Латур заметил, что агенты периодически могут приобретать форму проблемных вопросов публики в смысле Джона Дьюи. Иначе говоря, публики, разделяющей общий предмет беспокойства и заинтересованной в разработке новых правил и процедур для его урегулирования, которые сделали бы сосуществование агентов более предсказуемым и безопасным, а политическую реальность более устойчивой (Латур, 2012)[1].

Примечательно, что в работе о картировании рисков Латур также отмечает важность вовлечения в процесс составления подобных карт публики «в том смысле, как ее понимал Дьюи» (November et al., 2010, p. 594n15)[2]. Участие публики в составлении карты могло бы способствовать наиболее адекватной репрезентации территории. Об этом вновь говорит цитата Дьюи, которую так любил Латур: «О том, что жмет ботинок и в каком именно месте он жмет, лучше всех известно тому, кто носит этот ботинок — даже если классный сапожник лучше его знает, как справиться с этой проблемой»

1 По Дьюи, государство возникает с целью урегулирования непредвиденных последствий человеческих действий (Дьюи, 2002, с. 13).

2 В русском переводе статьи упоминание Дьюи в сноске опущено (Новембер и др., 2023, с. 86n57).

(Дьюи, 2002, с. 150–151). Адекватный учет всех рисков или проблемных вопросов на территории невозможен без участия тех, для кого эти риски или проблемные вопросы уже давно стали «камешком в ботинке» (цит. по: Hennion, 2023, p. 297), то есть тех, кого они явно и напрямую затрагивают.

Этот принцип лег в основу последнего эмпирического эксперимента Латура Où Atterrir? (Где приземлиться?), впервые проведенного во Франции в 2020 году. Перечислив всех тех агентов, с которыми они находятся в состоянии взаимной зависимости, то есть подробно описав свои территории, участники исследования должны были перенести этих агентов на картографическую проекцию, визуализировав тем самым сеть их взаимоотношений. Такая визуализация позволила бы определить, какие сущности являются для информанта агентами порождения, то есть участвуют в поддержании его комфортного существования, а какие, напротив, по его мнению, несут угрозу ему и важным для него вещам. В последующем, сопоставив схемы территорий участников эксперимента, исследователям удавалось выделить и поместить на финальные «карты общих ландшафтов» (les cartes des paysages partagés) предметы беспокойства, являющиеся общими для нескольких информантов[1].

Не случайно, помимо проекта Terra Forma, предлагающего формирование картографических проекций с точки зрения рядового агента Геи, другим источником вдохновения карт Où Atterirr? стала уже знакомая нам традиция до-модерновой художественной картографии[2]. Будучи (промежуточным) результатом продолжительных споров и обсуждений (Dumasy et al., 2019), такие карты, как правило, изображали вещи, игравшие важную роль в политической жизни местного населения, иначе говоря, вещи, бывшие предметами их общего беспокойства и интереса. В результате Латур предлагает переводить французское название этих карт figures accordées как «согласованные фигурации» (agreed-upon figurations) (Aït-Touati et al., 2022, p. 5), давая понять тем самым, что они были результатом согласия местных жителей о *формах и свойствах*, которыми могла обладать та или иная сила (agency), составляющая их территорию (Латур, 2014, с. 101; Латур, 2023, с. 178).

Финальные карты Où Atterrir?, таким образом, призваны собирать публики людей, разделяющих общий предмет беспокойства и потенциально заинтересованных в защите своих агентов поро-

1 Подробное описание методологии эксперимента Où Atterrir? см.: Наумов, 2024, с. 326–330, а также на электронных ресурсах художественного объединения Société d'Objets Cartographiques.

2 Société d'Objets Cartographiques (SOC). Où Atterrir? Les Nouveaux Cahiers de Doléances. URL: http://s-o-c.fr/index.php/ncd/ (accessed: 21.12.2024)

ждения. При этом не для всех информантов та или иная вещь могла играть схожую, однозначно положительную или отрицательную роль. Публикам лишь предстояло договориться о фигурации сущности, являющейся для них объединяющим проблемным вопросом. Достигнув согласия о наличии проблемы и ее сути, информанты при необходимости могли отправить запрос в виде жалобы или требования в свой местный орган власти для его дальнейшего урегулирования, запустив тем самым политический процесс.

В результате «карты общих ландшафтов» выполняют функции, схожие с теми, что Хониг приписывает партиципаторным. Во-первых, они буквально овеществляют территорию информантов. Подобно тому, как в процессе производства художественной карты участвующие в ее создании местные жители вынуждены были договориться о статусе общих вещей, дабы выделить среди них достойных быть на ней запечатленными, карты Où Atterrir? превращают территорию в предмет, вокруг которого граждане могли бы собраться для обсуждения итогового статуса агентов, играющих важную роль в процессе порождения некоторых из них.

Во-вторых, эти карты, по задумке Латура, должны были наделить участников эксперимента, разделяющих общие предметы беспокойства, единой идентичностью, превратив их в политическую общность, готовую к защите своих агентов порождения: «Уметь описать свои места для жизни и существовать в качестве народа — одно и то же» (Латур, 2019, с. 167). Выражаясь словами последней книги Латура, мастерские Où Atterrir? были средством пробуждения сознания нового экологического класса (Latour & Schultz, 2022), школой определения и отстаивания им своих интересов.

Выходит, подобно тому, как партиципаторные карты способны, по Хониг, восстановить мир Арендт, основанные на схожих принципах карты Où Atterrir? становятся средством составления общего мира Латура. Сходство это базируется в первую очередь на близком понимании политического, возникающего, согласно обоим авторам, на стыке материального и публичного. Тем не менее, отвергая возможность адекватной репрезентации территории при помощи простой «записи земли», означавшей сведение карты к миметическому образу физического пространства, подход Латура изначально подчеркивает решающую роль фиксации на картографической проекции в том числе «неосязаемых» предметов беспокойства местных жителей. Именно этот компонент оказывается решающим. Процесс коллективного картирования превращается в рефлексивную практику, направленную на придание неоднозначной, а зачастую и вовсе не заметной для большинства сущности четкой фигурации. Карты делают Вещи видимыми, обеспечивая устойчивость и доступность пространства политики.

Заключение: от воспоминания к действию

Одним из ярких лозунгов позднего творчества Латура стала фраза “recall modernity”, где recall одновременно означало как *воспоминание*, так и *отзыв*, в смысле отзыва производителем партии бракованного товара для дальнейшей доработки с целью *перезапуска* (reset) своего продукта (Latour, 2007, p. 20; Latour & Leclercq, 2016). Причем два значения слова оказываются неотделимы друг от друга — воспоминание становится условием отзыва. Так, реконструкция нововременного взгляда на мир, проведенная в проекте по исследованию «модусов существования», была необходима для его преобразования и улучшения — то есть избавления от разного рода категориальных ошибок и путаниц: например, сведения многообразия способов взаимодействия с миром под идею универсального способа познания без посредников, пресловутого double-click (Latour, 2013). Равным образом описание истории возникновения феномена Глобуса было нужно Латуру для обоснования необходимости разработки иной проекции Земли, отвечающей требованиям нового климатического режима (Latour, 2016, p. 310). Другими словами, осознание того, кто мы есть и в какой ситуации находимся, является условием для движения вперед в совершенствовании наших способов мыслить и действовать: «Чтобы преодолеть артефакт, нельзя просто вымести его под ковер; скорее, нужно вернуться к ситуации, которая создала его в первую очередь, и начать заново с другим решением в руках» (Ibid., p. 315).

Но можем ли мы найти схожий сюжет у Арендт? В своем знаменитом письме к Ясперсу она писала: «Я стараюсь *истолковывать* историю, понять все, что в ней отражено, обращаясь при этом к тому, что мне уже известно по моему собственному опыту» (Арендт, Ясперс, 2021, с. 35). Подобная тяга к истолкованию и пониманию, очевидно, не ограничивалась простым любопытством, но, вероятно, могла иметь политическое значение.

Согласно Арендт, моментом рождения истории «как категории человеческого существования» был случай Одиссея, услышавшего при дворе феакийского царя рассказ о собственных деяниях и страданиях (Арендт, 2014, с. 68). Результатом этого услышания стало то, что Арендт называет «катарсисом», то есть «примирением с действительностью». Самосознание, приведенное в действие благодаря истории, позволило Одиссею воссоздать свое собственное «Я», то есть понять свое место и роль в мире. Этот сюжет наталкивает на мысль, что проведенный Арендт анализ истории деятельной жизни в заключительной главе «Vita Activa» также мог быть нацелен на обретение читателями, суть нововременными людьми, о которых идет речь в повествовании, аналогичного примирения (reconciliation).

Однако история судьбы современного человека, рассказанная Арендт, имеет мало общего со сказанием о славных подвигах великого воина. История трансформации деятельной жизни в Новое время — это трагическая история двойного отчуждения, то есть утраты связи с той самой действительностью, укорененной в общеразделяемом мире людей. В этом смысле она оказывается гораздо ближе к истории современности, которую рисует Латур, то есть истории драматичного сдвига в мышлении, предопределившего особый тип отношений человека с окружающим миром, заставивший его оторваться от земли. В чем же может заключаться примирение, когда человек оказался отчужден от устойчивого мира истории, когда мост традиции, соединяющий его прошлое и будущее, рухнул?

По утверждению Роджера Берковица, в таких условиях примирение больше не может трактоваться в категориях познания. Напротив, оно «требует отказа от тяги к абсолютному знанию и научному господству над миром» (Berkowitz, 2021, p. 496), то есть отказа от всех попыток объяснить действительность и роль в ней человека средствами, ведущими к отчуждению его от мира. Воссозданное в результате услышания своей истории, нововременное «Я» не способно воссоединиться с действительностью, но должно постараться эту действительность *перезапустить*. Причем тем, что остается на месте разрушенной традиции, есть в том числе множественность людей, которая, будучи самим «законом земли» (Арендт, 2013, с. 25), одним из условий, на которых человеку дана жизнь на планете, является также местом рождения действия. Тем самым именно силами политики должен быть осуществлен перезапуск новой действительности, достойной примирения: «В этом тяжелом положении действие, коль скоро оно подразумевает вовлеченность и верность, коль скоро оно engagée, казалось, дает надежду пусть и не решить проблемы, но жить с ними, не становясь, как однажды выразился Сартр, salaud, лицемером» (Арендт, 2014, с. 17).

Аналогичным образом отсылая к другому экзистенциалисту, Альберу Камю, Латур писал, что умение уживаться со своими «недугами», неразрывно связано с возможностью самой благой жизни (Latour, 2017, p. 14), являющейся, по Аристотелю, конечной целью политики. Отсюда можно предположить, что верная фигурация, то есть определение недугов и проблем, становится общей задачей и условием (пере)сборки общего мира, пригодного для жизни и достойного примирения. И хотелось бы надеяться, что карты станут в этом деле хорошим партнером.

Список источников / References

Арендт Х. (2013). *Жизнь ума.* Наука. EDN: VWMXQZ.

— Arendt H. (2013). *The Life of the Mind*. Nauka. (in Russ.)

Арендт Х. (2014). *Между прошлым и будущим. Восемь упражнений политической мысли.* Издательство Института Гайдара.

— Arendt H. (2014). *Between Past and Future. Eight Exercises in Political Thought*. Gaidar Institute Press. (in Russ.)

Арендт Х. (2012). *Лекции по политической философии Канта*. Наука. EDN: QONPGP.

— Arendt H. (2012). *Lectures on Kant's Political Philosophy*. Nauka. (in Russ.)

Арендт Х. (2000). *Vita activa, или О деятельной жизни*. Алетейя.

— Arendt H. (2012). *Vita activa, Alethea.* (in Russ.)

Арендт Х. Ясперс К. (2021). *Письма, 1926–1969.* Издательство Института Гайдара.

— Arendt H., Jaspers K. (2021). *Correspondence 1926–1969.* Gaidar Institute Press. (in Russ.)

Борхес Х. Л. (2011). *Собрание сочинений в четырех томах. Том II.* Амфора.

— Borges H. L. (2011). *Collected works in four volumes. Volume II.* Amphora. (in Russ.)

Веселовский С. Б. (1975). *Дьяки и подьячие XV–XVII вв*. Наука. EDN: SNZDAF.

— Veselovsky S. B. (1975). *Diaks and podyachies XV–XVII.* Nauka. (in Russ.)

Вульф Л. (2003). *Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения*. Новое литературное обозрение.

— Wolff L. (2003). *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment.* New Literary Observer. (in Russ.)

Дьюи Дж. (2002). *Общество и его проблемы*. Идея-Пресс.

— Dewey J. (2002). *The Public and Its Problems*. Ideya-Press. (in Russ.)

Кивельсон В. (2012). *Картографии царства: земля и ее значения в России XVII века.* Новое литературное обозрение. EDN: UBOTLT.

— Kivelson V. (2012). *Cartographies of Tsardom: The Land and Its Meanings in Seventeenth-Century Russia.* New Literary Observer. (in Russ.)

Кузин И. (2017). «Слепое пятно» политического мышления Ханны Арендт. *Социологическое обозрение*, 16(2), 221–252. EDN: ZDPCYF. https://doi.org/10.17323/1728-192X-2017-2-221-252

— Kuzin I. (2017). The "Blind Spot" of the Political Thinking of Hannah Arendt. *The Russian Sociological Review*, 16(2), 221–252. (in Russ.) https://doi.org/10.17323/1728-192X-2017-2-221-252

Латур Б. (2019). *Где приземлиться? Опыт политической ориентации.* Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

— Latour B. (2019). *Down to Earth: Politics of the New Climatic Regime*. EUSP Press. (in Russ.)

Латур Б. (2017). Визуализация и познание: изображая вещи вместе. *Логос*, 27(2), 95–156. EDN: YMICCL. https://doi.org/10.22394/0869-5377-2017-2-95-151

— Latour B. (2017). Visualization and cognition: drawing things together. *Philosophical Literary Journal Logos*, 27(2), 95–156. (in Russ.) https://doi.org/10.22394/0869-5377-2017-2-95-151

Латур Б. (2023). Как лучше регистрировать агентность вещей: семиотика и онтология. *Социология власти*, 35(2), 156–196. EDN: YHWUBM. https://doi.org/10.22394/2074-0492-2023-2-156-196. EDN: YHWUBM

— Latour B. (2023). How Better to Register the Agency of Things. The Tanner Lectures on Human Values. *Sociology of Power*, 35(2), 156–196. (in Russ.) https://doi.org/10.22394/2074-0492-2023-2-156-196. EDN: YHWUBM

Латур Б. (2012). Коперниковский переворот в политической теории. *Социология власти*, 6-7, 235–254. EDN: RNIFHT.

— Latour B. (2023). Turning around Politics: A Note on Gerard de Vries' Paper. *Sociology of Power,* 6-7, 235–254. (in Russ.)

Латур Б. (2013). *Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества*. Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

— Latour B. (2013). *Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers Through Society.* EUSP Press. (in Russ.)

Латур Б. (2006). *Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии.* Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

— Latour B. (2006). *We Have Never Been Modern*. EUSP Press. (in Russ.)

Латур Б. (2014). *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию*. Издательский дом Высшей школы экономики. EDN: SYZVMJ.

— Latour B. (2014). *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. HSE Press. (in Russ.)

Латур Б. (2018). *Политики природы. Как привить наукам демократию*. Ад Маргинем Пресс.

— Latour B. (2018). *Politics of Nature: How to Bring the Sciences Into Democracy*. Ad Marginem Press. (in Russ.)

Наумов И. (2024). На пути к общему миру: композиционизм Бруно Латура как средство преодоления климатического кризиса. *Социологическое обозрение*, 23(2), 311–339. EDN: BECCST. https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-2-311-339

— Naumov I. (2024). On the Way to a Common World: Bruno Latour's Compositionism as a Means of Addressing the Climate Crisis. *The Russian Sociological Review*, 23(2), 311–339. (in Russ.) https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-2-311-339

Новембер В., Камахо-Хюбнер Э., Латур Б. (2023). Вступая на территорию риска: пространство в эпоху цифровой навигации. *Логос*, 33(1), 61–96. EDN: MGGXUZ. https://doi.org/10.17323/0869-5377-2023-1-61-95

— November V., Camacho-Hübner E., Latour B. (2023). Entering a Risky Territory — Space in the Age of Digital Navigation. *Philosophical Literary Journal Logos*, 33(1), 61–95. (in Russ.) https://doi.org/10.17323/0869-5377-2023-1-61-95

Файн Р. (1999). Фетишизм политики: критический анализ работ Ханны Арендт. *Рубеж*, 13–14, 36–64.

— Fine R. (1999). The Fetishism of Politics: A Critical analysis of the work of Hannah Arendt. *Rubezh*, 13–14, 36–64. (in Russ.)

Хархордин О. (2006). Предисловие редактора (стр. 5–56). В Латур Б. *Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии.* Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

— Kharkhordin O. (2006). Editor's preface (pp. 5–56). In Latour B. *We Have Never Been Modern*. EUSP Press. (in Russ.)

Aït-Touati F., Arènes A., Grégoire A. (2022). *Terra Forma. A Book of Speculative Maps*. The MIT Press.

Arendt H. (1998) *The Human Condition*. University of Chicago Press.

Arendt H. (2005). *The Promise of Politics*. Schocken Books.

Berkowitz R. (2021). Reconciliation (pp. 492–497). In Gratton P., Sari Ya. (Eds.) The Bloomsbury Companion to Arendt. Bloomsbury Publishing PLC.

Buckler S. (2011). *Hannah Arendt and Political Theory: Challenging the Tradition*. Edinburgh University Press.

Canovan M. (1995). *Hannah Arendt: A Reinterpretation of Her Political Thought*. Cambridge University Press.

Chapman A. (2007). The Ways That Nature Matters: The World and the Earth in the Thought of Hannah Arendt. *Environmental Values*, 16(4), 433–445. https://doi.org/10.3197/096327107X243222

Debaise D. (2015). *L'appât des possibles. Reprise de Whitehead*. Les Presses du réel.

Dumasy J., Gastaldi N., Serchuk K. (2019). *Quand les artistes dessinaient les cartes: vues et figures de l'espace français, Moyen Âge et Renaissance*. Archives Nationales et Éditions le Passage.

Harman G. (2014). *Bruno Latour. Reassembling the Political*. Pluto Press.

Harvey P. D. A. (1987a). Local and Regional Cartography in Medieval Europe (pp. 464–501). In Harley J. B., Woodward D. (Eds.) *The History of Cartography, Volume 1: Cartography in Prehistoric, Ancient and Medieval Europe and the Mediterranean.* University of Chicago Press.

Harvey P. D. A. (1987b). Medieval Maps: An Introduction (pp. 283–285). In Harley J. B., Woodward D. (Eds.) *The History of Cartography, Volume 1: Cartography in Prehistoric, Ancient and Medieval Europe and the Mediterranean.* University of Chicago Press.

Hennion A. (2023). Avertissement. *Pragmata*, 6, 297–299.

Honig B. (2016). What Kind of Thing Is Land? Hannah Arendt's Object Relations, or: The Jewish Unconscious of Arendt's Most "Greek" Text. *Political Theory*, 44(3), 307–336. https://doi.org/10.1177/0090591716641888

Hyvönen A.-E. (2014). Tentative Lessons of Experience: Arendt, Essayism, and "The Social" Reconsidered. *Political Theory*, 42(5), 569–589. https://doi.org/10.1177/0090591714538428

Kain R. J. P. (2019). Cadastral Map (pp. 1129–1133). In Edney M. H., Pedley M. S. (Eds.) *The History of Cartography, Volume 4: Cartography in the European Enlightenment.* University of Chicago Press.

Latour B. (2021). *After Lockdown: Metamorphosis*. Polity.

Latour B. (2013). *An Inquiry into Modes of Existence. An Anthropology of the Moderns*. Harvard University Press.

Latour B. (2017). *Facing Gaia. Eight Lectures on the New Climatic Regime*. Polity Press.

Latour B. (2006). From Realpolitik to Dingpolitik: or How to Make Things Public (pp. 14–41). In Latour B., Weibel P. (Eds.) *Making Things Public: Atmospheres of Democracy*. MIT Press.

Latour B. (2016). *Onus Orbis Terrarum*: About a Possible Shift in the Definition of Sovereignty. *Millennium: Journal of International Studies*, 44(3), 305–320. https://doi.org/10.1177/0305829816640608

Latour B. (2007). The Recall of Modernity: Anthropological Approaches. *Cultural Studies Review*, 13(1), 11–30. https://doi.org/10.5130/csr.v13i1.2151

Latour B., Leclercq C. (Eds.) (2016). *Reset Modernity*. The MIT Press.

Latour B., Schultz N. (2022). *Mémo sur la nouvelle classe écologique*. Éditions La Découverte.

Markell P. (2011). Arendt's Work: On the Architecture of The Human Condition. *College Literature*, 38(1), 15–44. https://doi.org/10.1353/lit.2011.a409860

November V., Camacho-Hübner E., Latour B. (2010). Entering a Risky Territory — Space in the Age of Digital Navigation. *Environment and Planning D: Society and Space*, 28, 581–599. https://doi.org/10.1068/d10409

Seguin E. (2018). Un monde commun d'Arendt à Latour? *Symposium*, 22(2), 1–26. https://doi.org/10.5840/symposium201822214

Scott J. C. (1998). *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. Yale University Press.

Sidorova M. (2019). The Role of the Judging Spectator in Politics: Arendt's Approach. *The Russian Sociological Review*, 18(3), 245–259. https://doi.org/10.17323/1728-192x-2019-3-245-259

Tuan Y. F. (1977). *Space and Place: The Perspective of Experience.* University of Minnesota Press.

Villa D. (2000). Introduction: The Development of Arendt's Political Thought (pp. 1–22). In Villa D. (Ed.) *The Cambridge Companion to Hannah Arendt.* Cambridge University Press.

Westfall R. S. (1994). Charting the Scientific Community (pp. 1–14). In Gavroglu K., Christianidis J., Nicolaidis E. (Eds.) *Trends in the Historiography of Science.* Kluwer.

Whitehead A. N. (2015). *The Concept of Nature.* Cambridge University Press.

Wiame A. (2018). Bruno Latour, une philosophie cartographique. *Symposium*, 22(2), 61–81. https://doi.org/10.5840/symposium20182215

Wood D. (2010). *Rethinking the Power of Maps.* The Guilford Press.

Wood D., Krygier J., Thatcher J. E., Dalton C. (2020). Critical Cartography (pp. 25–29). In Kobayashi, A. (Ed.) *International Encyclopedia of Human Geography, 2nd ed*. Elsevier.

Woodward D. (2007). Cartography and the Renaissance: Continuity and Change (pp.

3–24). In D. Woodward (Ed.) *The History of Cartography, Volume 3: Cartography in the European Renaissance.* University of Chicago Press.

Об авторе / About the author

Наумов Иван Дмитриевич — магистр философии, исследователь Центра исследований науки и технологий, аспирант Исследовательского центра Res Publica, Европейский университет в Санкт-Петербурге. Научные интересы: современная политическая теория, прагматическая социология, environmental humanities.

https://orcid.org/0000-0003-4615-581X. E-mail: inaumov@eu.spb.ru

Ivan D. Naumov — MA in Philosophy, researcher, Center for Science and Technology Studies, graduate student, Research Center Res Publica, European University at St. Petersburg. Research interests: contemporary political theory, pragmatic sociology, environmental humanities.

https://orcid.org/0000-0003-4615-581X. E-mail: inaumov@eu.spb.ru